

Ледоход — эпизод 1 из 8

На реке, против города, семеро плотников спешно чинили ледорез, ободраный за зиму слободскими мещанами на топливо.

Весна запоздала в том году юный молодец Март смотрел Октябрем; лишь около полуден да и то не каждый день в небе, затканном тучами, являлось белое по-зимнему солнце и ныряло в голубых проталинах между туч, поглядывая на землю неприветливо и косо.

Уже была пятница страстной недели, а капель к ночи намерзала синими сосулями в пол-аршина длиною; лед на реке, оголенной от снега, тоже был синеватый, как зимние облака.

Работали плотники а в городе печально и призывно пела медь колоколов. Головы рабочих поднимались вверх, глаза задумчиво тонули в сероватой мгле, обнявшей город, и часто топор, занесенный для удара, нерешительно, на секунду останавливался в воздухе, точно боясь разрубить ласковый звон. Там и тут на широкой полосе реки криво торчали сосновые ветви, обозначая дороги, полыньи и трещины во льду; они поднимались вверх, точно руки утопающего, изломанные судорогами.

Томительной скукой веет от реки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежит безотрадно прямою дорогой во мглистую область, откуда уныло и лениво дышит сырой, холодный ветер.

...Староста Осип, чистенький и складный мужичок, с правильной серебряной бородкой, аккуратно завитой в мелкие кольца на розовых щеках и гибкой шее, всегда и всюду заметный, староста Осип покрикивает:

Шевелись поживей, курицыны дети!

И обращается ко мне, насмешливо внушая:

Наблюдающий, ты чего в небе ковыряешь тупым твоим носом? Ты для какого дела приставлен, спросить тебя? Ты от подрядчика, от Василь Сергеича? Стало быть подобат тебе наяривать нас работай живо, такой-сякой народ! Вот, для какого подвигу ты налажен, а ты на свое дело моргаешь, дите мое, горький сухостой! Моргать тебе не положено, ты гляди в оба да покрикивай, коли тебя вроде десятника до нас приспособили... ты команду, кукушкино яичко!

Он снова кричит на ребят:

Не зевай! Лешие, надобно сегодня конец делу положить али нет?

Сам он первейший лентяй артели. Превосходно знает свое дело, умеет работать ловко, споро, со вкусом и увлечением, но не любит утруждать себя и постоянно рассказывает волшебные истории. Как раз в разгар работы, когда

люди вопьются в нее и работают молча, сосредоточенно, вдруг плененные желанием сделать все ладно и гладко, Осип заводит журчащим голоском: А вот, братцы мои, был случай...

Две-три минуты люди как будто не слушают его, самозабвенно тешут, строгают, рубят, а мягонький тенорок мечтательно течет и вьется, опутывая, связывая внимание людей. Голубые ясные глаза Осипа сладко прищурены, он покручивает пальцами курчавую бородку и, чмокая от удовольствия, нижет слово за словом...

Поймал он этого линя, положил в пещер, идет лесом думает: А и будет же уха у меня... Только вдруг не знай откуда кричит голос женской, тонкой: Елеса-а, Елеса-а...

Длинный костлявый мордвин Ленька, по прозвищу Народец, молодой парень с маленькими изумленными глазками, опустил топор и стоит, открыв рот.

А из пещера отвечают басыщем, густо: Здеся-а!.. И в ту самую минуту в пещере хлобысь, линь оттедова прыг и пошел, пошел назад, в омут свой...

Старик солдат Санявин, угрюмый пьяница, страдающий одышкой и давно чем-то обиженный на всю жизнь, хрипит:

Как это он, линь, пошел посуху, ежели он рыба?

А говорить рыбе назначено? ласковенько спрашивает Осип.

Мокей Будырин, мужик серый, с собачьим лицом скулы и челюсти выдвинуты вперед, а лоб запрокинут, человек молчаливый и неприметный, не торопясь выпускает через нос три любимые свои слова:

Это совсем верно...

Каждый раз, когда рассказывают что-нибудь чудесное, страшное, грязное или злое, он негромко, но непоколебимо уверенно отзывается:

Это совсем верно...

И словно трижды бьет меня в грудь жестким тяжелым кулаком.

Работа встала, потому что Яков Боев, косноязычный и кособокий, тоже хочет рассказать что-то рыбье и уже начал, но ему никто не верит, смеются над его измятою речью; он божится, ругается, сердито сует долотом в воздух и, захлебываясь злой слюною, кричит, на смех всем:

Один чего ни ври принимают, а как я вам правду, ржете, галманы, пострели вас в душу...

Все бросили работу и шумят, размахивая пустыми руками; тогда Осип снимает шапку, обнажая благообразную серебряную голову, с плешью на темени, и строго кричит:

Будя, эй! Позвонили, отдохнули, и ладно!

Сам завел, хрипит солдат, поплеывая на ладони.

Осип пристаёт ко мне:

Наблюдающий-и...

